

ЧЕРНОЗЁМНАЯ

Мы уже привыкли к ежегодным бравурным рапортам о росте экспортных поставок наших природных богатств за кордон. По данным ФТС России, в 2017 году наша страна загнала на экспорт 210,2 млрд кубометров голубого топлива на целых 42,9 млрд североамериканских рублей. Сырой нефти и нефтепродуктов ушло 253 и 148 млн тонн соответственно. На общую сумму 151 млрд долларов. Лесопромышленный комплекс принёс в экспортную копилку 11,34 млрд, в том числе почти полтора миллиарда за кругляк.

НА ФОНЕ этих потрясающих цифр экспорта невозобновляемых (или долго возобновляемых, как лес, например) природных ресурсов весьма достойно выглядит продажа продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на 20,3 млрд долларов. Из них 5,7 млрд приходится на пшеницу. Эксперты говорят, что общий объём продовольственных продаж в ближайшие годы может вырасти до 30 миллиардов.

Казалось бы, вот оно — золотое дно: выращивай, продавай и вновь сажай. Шутка ли, миллиард людей на планете голодают, накормить их — наша задача! Но рано бросать в воздух чепчики. Впору задуматься: как и почему наша страна превращается в очередную, уже не нефтегазовую, а чернозёмную колонию. В преддверии нового сельскохозяйственного года читайте новое расследование «АН».

Горькое наследство

Бывший министр сельского хозяйства Александр Ткачёв очень любил подчёркивать в разговоре с президентом Владимиром Путиным, что под его чутким руководством сельхозотрасль превращается в курицу, несущую в казну рублёвые и долларовые яйца. Мол, рожь колосится, свиньи плодятся, птицы выкупаются, а молоко доится без остатка. И всё это изобилие не привозное, а своё, импортозамещённое. Казалось бы, по конечной «цифре» продукции всё именно так и есть. Росстат врать не будет. Правда, он забывал добавить, что это добро выращивается из чужих импортных семян, выкупаются из чужих инкубаторских яиц, оплодотворяется привезённой с проклятого Запада спермой.

Выстроив такую «импортозамещающую» модель, Ткачёв свалил со своего кресла в семейный краснодарский агрохолдинг (жаль, что не на Кольму), завешав разгребать последствия новому министру Дмитрию Патрушеву. (О подавляющей зависимости от импорта семенного материала «АН» подробно писали в материале «Закон отрицательной селекции», №15 от 19.04.2018.)

Но любое даже импортное семечко, брошенное в негодную почву, либо вообще не взойдёт, либо, взойдя, засохнет, либо будет заглушено сорняками. Но только, как сказано в Евангелии от Матфея, «иное (семя) упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать». А вот с доброй землёй в России, несмотря на внешне огромную бескрайность, дела обстоят неважно.

— Мы занимаем четвертое место в мире по площадям пашни — 116,7 миллиона гектаров. Китай — 119 миллионов, 152 миллиона — США, Индия — 157 миллионов гектаров. 14–16 миллионов тонн у нас под чистыми парами. И к великому сожалению, 20 миллионов тонн сегодня заброшенных земель. Из них 10 миллионов заросло кустарниками, заболочено и т.д. И 10 миллионов гектаров сегодня можно ввести без большой мелиорации, выкорчёвки — это ближайший ресурс, который мы должны освоить и включить в оборот для производства растениеводческой продукции или хотя бы не дать этим площадям расти кустарником, — приводит убойные цифры директор Департамента растениеводства, механизации, химизации и защиты растений Министерства сельского хозяйства Пётр Чекмарёв.

— 52% мировых чернозёмных почв находится в России. На каждого нашего человека приходится в три раза больше среднмирового уровня сельхозугодий. Мы обладаем четвёртой коллекцией генофонда растений, и это позволяет вести сельскохозяйственное производство в большинстве из 557 природно-климатических зон. Природно-ресурсный потенциал России способен дать всё необходимое для ведения эффективного сельского хозяйства, — добавляет академик РАН Юрий Лачуга.

Пустыни и болота вместо пашни

«Способен дать», но почему-то не даёт. Возможно, потому что государство и само не знает — сколько у него пашни. Так, в аграрном комитете Госдумы «АН» рассказали о 40 млн гектар, которые не используются по целевому назначению в системе севооборота. А в Счётной палате полтора года назад приводили ужасную цифру в 56 млн га! Но даже 40 млн га, введённые в оборот, при средней урожайности могут дать до 100 млн тонн в зерновом эквиваленте!

А те гектары, которые всё-таки засевают, используют, как говорят в народе, «в хвост и в гриву». Не думая, что будет с ними завтра. И почва потихоньку умирает...

— До 60 миллионов гектаров увеличились площади сельхозугодий, подверженных эрозии, и до 100 миллионов гектаров — опустыниванию. Фактически каждый третий гектар пашни и пастбищ в России является эродированным. Площадь оврагов на пашне уже превысила 1 миллион гектаров, а их протяжённость ежегодно увеличивается на 20 тысяч километров. Доля кислых почв за 26 лет увеличилась с 30 до 45%. 40 миллионов гектаров полей зарастают бурьяном, превращаясь в затон для весенних, летних и осенних пожаров. Переувлажнению и заболачиванию подвержено 7% пашни, а ещё 3% — вторичному засолению. По доле мелиорированной пашни мы безнадежно отстали от США, где мелиорировано 39,1% — 70 миллионов гектаров угодий, или от Китая с его 74 миллионами (54,4%). Даже от Индии с её 35,9% (61 млн га). У нас мелиорацией охвачено лишь 7,8% полей. И отстаивание только нарастает. По госпрограмме до 2020 года планируется вве-

сти 838 тысяч гектаров. А Китай или Индия в год (!) вводят по полтора миллиона, — привёл для «АН» цифры председатель аграрного комитета Госдумы академик Владимир Кашин.

Помните, семя, которое, взойдя на каменистой почве, тут же засохло? Вероятно, оно попало на российский земли сельхозназначения. Недаром даже сами сельхозинноваторы закладывают в свои планы гибель озимых в среднем на одном миллионе гектаров! А если взять среднюю урожайность таких культур в районе 40 центнеров, то цифры потерь получаются фантастические.

Навоз отдай дяде, а сам иди...

Каждый дачник знает — чтобы собрать хороший урожай, землю надо холить и лелеять, кормить и поить. Садоводы из редакции предпочитают экологически чистое и органическое удобрение «Биоклад». Но в промышленных масштабах без удобрений и средств защиты растений не обойтись. Но вот парадокс. В 2017 году экспортёры минеральных и органических удобрений отравили в чужие страны своей продукцией на 7,2 млрд долларов. А кто же, как в анекдоте, в российской лавке «остался»?

— Существует крылатая фраза: сколько вынесено питательных веществ с урожаем из почвы, столько необходимо внести питательных веществ, органических и минеральных удобрений. С каждым урожаем из плодородного слоя выносятся 17,5 мил-

А те гектары, которые всё-таки засевают, используют, как говорят в народе, «в хвост и в гриву».

лиона тонн питательных веществ. Вносим вместе с органикой всего-навсего 8,7 миллиона тонн. При этом в стране в год производится 22 миллиона тонн минеральных удобрений. В нашу почву попадает только 3 миллиона, около 14%. Остальные 18–19 миллионов тонн потребляют зарубежные фермеры. Если считать на гектар, мы вносим в три раза меньше, чем в США, в четыре-пять раз меньше, чем сельскохозяйственно развитые страны ЕС. Даже Беларусь вносит почти в четыре раза больше, чем Россия. Соответственно, в сопоставлении с нашей средней урожайностью — 3 тонны с гектара, США имеют 8 тонн с гектара — различие как раз на то соотношение, которое имеем по удобрениям. Китай — 6 тонн с гектара, Бразилия — 4 тонны с гектара, — констатирует академик Лачуга.

Но даже то, что вносится, зачастую имеет иностранное происхождение. По данным Минсельхоза, из микроудобрений зарегистрировано 79 российских,

41 — иностранное удобрение. Из микробиологических удобрений 43 — российские, 16 — импортные. Но это уже зона ответственности Минпромторга, которым продолжает рулить социолог Мантуров. Есть ли ему дело до каких-то там удобрений?!

Но одной «минералки» мало. Например, в продвинутой Европе свои гектары подкармливают фифти-фифти: одна половина навоза, т.е. органики, другая — минеральные удобрения. По науке мы должны давать почве около 8 тонн органических удобрений. Вносим же всего одна несчастная тонна! Парадокс, но в стране не хватает простого навоза. Поголове крупного рогатого скота мизерное и продолжает уменьшаться.

Аховая ситуация и с производством средств защиты растений. Созданная ещё при Союзе, эта отрасль промышленности загружена всего на 50%. И от этой половины ещё чуть больше половины получают российское поле! По словам учёных, от 25 до 30%

урожая можно потерять, если вовремя и в полном объёме не защитит его от болезней и вредителей. Этот российский сегмент рынка оценивается в 67 млрд рублей ежегодно. Как считают эксперты, до 50 млрд могла бы «застолбить» российская промышленность только на производстве действующих веществ.

Производителю шиш с маслом

Конечно, все эти проблемы копнулись не год и не два. Четверть века российское село с лёгкой руки Егора Гайдара принято считать «чёрной дырой». Мол, сколько денег туда ни вливай — всё равно толку ноль. А за граница нам поможет, то есть прокормит. Егор Тимурович уже много лет как в могиле, но дело его живёт и побеждает.

— Сегодня на село наша страна тратит не более 1,5% расходной части бюджета. В ЕС — порядка 40%. В США цифры ещё больше. Зато и 150 миллиардов долларов ежегодно приносит экспорт американской сельскохозяйственной продукции (в семь с лишним раз больше, чем в России! — «АН»). По естественному плодородию у нас поля одинаковые с США,

а по продуктивному плодородию там выше, потому что ресурсное обеспечение в США гораздо выше. Мы пока выезжаем на наших 52% чернозёма.

Общая закредитованность сельян сегодня в районе 2,7 триллиона рублей. Кредиты, которые необходимо отдать «вчера», — 350 миллиардов рублей. А весь «сельский» бюджет — 242 миллиарда. Такой финансовый минус не позволяет покупать удобрения, новую технику, средства защиты растений, — констатирует Юрий Лачуга.

Но вопреки всем этим негативным факторам в России впервые был превзойдён урожай советских времён — намолотили аж 134 млн тонн зерновых. Из них больше 85 млн пшеницы. Внушает, как говорится.

Но дьявол, как известно, кроется в деталях. Неуклонно снижается классность выращиваемой пшеницы. По данным Центра оценки качества зерна, в 2017 году зерна 5-го фуражного класса выращивалось 31,6% от общего урожая (2012 г. — 21%). 3-го класса — основного для хлебопечения — в 1980–1988 гг. — 80%, в 2012 г. — 48,2% от урожая, а в 2017 г. — 24,3%! 4-й класс: 2012 г. — 30,8%, а в прошлом году — уже 43,9%.

Вотчина экс-министра Ткачёва — Краснодарский край, где в советские времена выращивалась пшеница 1-го и 2-го классов (естественный улучшитель в хлебопекарной промышленности), теперь всё засеяно 4-м классом. Он мало того что более дешёвый в выращивании, но и самый экспортноёмкий. Небогатые страны Африки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, которые и скупают почти всю нашу пшеницу, предпочитают именно его. На лепёшки из нищего Филиппинца или суданца пойдёт.

Но, может быть, крестьяне обогатились на рекордном урожае? Средняя закупочная цена за тонну пшеницы в прошлом году была 7500–8500 рублей (в зависимости от класса и региона выращивания) за тонну. При средней себестоимости 7 тысяч рублей. Между тем за бугор та же тонна уходила минимум за 10 тысяч. То есть десяток крупнейших зернотрейдеров, оперирующих объёмами от 1 млн тонн, «подняли» минимум от миллиарда рублей «на рыло». При этом

КОЛОНИЯ

сами «не сажали, не пахали, не жали», а просто, говоря по-русски, спекулянули. Интересно, что эта «золотая десятка» состоит либо из прямых дочек транснациональных корпораций, либо из «честных офшорков».

— Мы гордимся, что произвели 130 миллионов тонн зерна, и из него 30–40 тонн вывозим на экспорт. Основной доход получает продавец, который экспортирует зерно, а производитель за это ничего не получает. За закупочные цены, которые он получает, он не способен купить нормальное количество тракторов, не способен купить комбайны, не способен купить удобрения, чтобы сохранить свою почву, соответственно и средства защиты. Поэтому пока руководящие органы страны, научная общественность не примут материалистический взгляд на развитие экономики, у нас ничего не будет развиваться. И это касается не только сельского хозяйства, — считает академик **Роберт Нигматуллин**.

Россию враги называют мировой нефтегазоколонкой. Патриоты — великой энергетической державой. Это извечный спор: кем считать — называть Штирлица — разведчиком или шпионом. Как назвать использование российских уникальных черноземов в интересах кучки офшорных и иностранных толстосумов: колониальной зависимостью, когда все «сливки» утекают из страны, а в ней остаются разор и запустение, или гордо хвалиться тем, что мы обогнали Америку по экспорту пшеницы?

Но экономическую политику «партии и правительства», при которой богатеют только спекулянты, при которой производитель зерна не может возместить потери земли-матушки, а за победными трескучими рапортами не видно уничтожения российского села, можно величать только одним словом — вредительство.

Аргумент академика Петрикова

— Александр Васильевич, вы один из немногих российских учёных, кто долгое время работал в исполнительной власти, а именно — секретарём замминистра Минсельхоза. Кто у нас определяет сельскую политику: Мин-

сельхоз или скупой рыцарь из Минфина?

— С одной стороны, в законе о развитии сельского хозяйства сказано, что Госпрограмма развития сельского хозяйства (разработчик Минсельхоз) является документом, определяющим «финансовое обеспечение и механизмы реализации мероприятий» по развитию отрасли. С другой стороны, констатируется, что средства федерального бюджета на реализацию аграрной политики преду-

смачиваются «федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год», за который ответственен Минфин. Но главное в том, что законодательно не определено, по каким правилам должны играть оба ведомства при формировании аграрного бюджета: то ли от достигнутого уровня, то ли ориентироваться на долю сельского хозяйства в ВВП, то ли от необходимости достижения определённых целевых показателей в развитии отрасли? По нашему мнению, третий вариант наиболее предпочтителен, однако до сих пор нет методик, определяющих, сколько нужно денег для достижения определённого результата. Точнее, методики такие наукой разработаны, но они не утверждены правительством.

— У учёных и чиновников есть расчёты — сколько реально нужно тратить на село от ВВП или в цифрах?

— Удельный вес затрат на сельское хозяйство в консолидированном бюджете нашей страны в 2016 году составил 1,1%, в США — 3,6%. Казалось бы, у нас процент от ВВП незначительно меньше. Но в абсолютных цифрах всё гораздо печальнее: американцы истратили на сельское хозяйство 138 миллиардов долларов, мы — 331 миллиард рублей, или 4,8 миллиарда американских рублей по средневзвешенному курсу.

Есть также так называемый индекс «относительной поддержки сельхозтоваропроизводителей», который по многим факторам рассчитывает ОЭСР в процентах господдержки в стоимости реализованной продукции. У нас в 2016 году он составил 16,1%, в ЕС — 21%. Когда же страны Европы решали задачи обеспечения продовольственной независимости и модернизации отрасли, какие в настоящее время приходится решать России, этот показатель колебался у них в интервале от 30 до 40%. В принципе эти цифры могут служить целевым ориентиром и для нас.

Однако дело не только и не столько в общем уровне господдержки. Не менее важно, как она распределяется среди сельхозтоваропроизводителей. Обеспечивается ли доступ к бюджетным субсидиям для разных категорий хозяйств? Анализ показывает, что бюджетная поддержка у нас распределяется крайне неравномерно. Например, в 2017 году льготными краткосрочными и ин-

вестиционными кредитами под 5% годовых воспользовались всего 7% сельскохозяйственных организаций и 2,6% крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей. Это создаёт необоснованные привилегии для одних и лишает стимулов других, а общая эффективность сектора снижается.

— Есть расчёты, сколько прибыли приносит 1 рубль, вложенный в научные исследования микроэлектроники, — примерно 17 долларов США. Есть ли такие комплексные расчёты по сельскому хозяйству?

— По данным бывшей Россельхозакадемии, один рубль, вложенный в аграрную науку, приносит 10 рублей дохода, в селекцию сельскохозяйственных культур — до 40 рублей. Но это «длинные» высокорискованные инвестиции. Поэтому частный капитал очень неохотно вкладывается в сферу аграрной науки. Доля предпринимательского сектора во вну-

тренних затратах на исследования и разработки по всем отраслям знаний составляла в 2016 году 28,1%. По сельскохозяйственным наукам Росстат таких данных не даёт, но, по нашему мнению, она ещё меньше.

— Обратная сторона рекордов: чем больше мы собираем урожая, тем сильнее скудеет наша земля. Об этом не говорят вслух, но это же признак колониальной зависимости — выжать территорию и выкинуть!

— Как показала последняя Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года, удельный вес сельскохозяйственных угодий, обеспеченных минеральными удобрениями, у сельскохозяйственных организаций составил всего 28,1%, у фермеров ещё меньше — 17,8%, что явно недостаточно. Кардинальные меры по повышению почвенного плодородия назрели давно, но они не принимаются.

— Ориентация на экспорт, о которой нам кричат из каждого утюга, — дело хорошее. Но что остаётся внутри России? Почему крестьяне вынуждены работать на жирных зернотрейдеров, многие из которых либо дочки западных компаний, либо офшоры? Почему не государство, а они диктуют, что и как выращивать?

— Развивать экспорт продовольствия мы обречены (в хорошем смысле этого слова): в России 9% обрабатываемых земель, 50% чернозёмов планеты, 20% пресной воды, 10% мирового производства минеральных удобрений. И только около 2% населения мира. Мы должны эффективно использовать этот потенциал не только для удовлетворения собственных потребностей, но и чтобы кормить человечество.

Однако экспорт не должен развиваться в ущерб внутреннему рынку, как иногда в нашей истории бывало, когда мы руководствовались формулой «не доедим, но вывезем». Чтобы «голодный экспорт» не возник, нужны достоверные оценки влияния экспорта на внутренний рынок. Вместе с тем хочу отметить, что в последние годы растёт доля затрат на питание в потребительских расходах домашних хозяйств: в 2013 году, по данным Росстата, она составляла 27,7%, в 2016-м — 32,3%. Не следует напрямую это связывать с ростом экспорта, но тем не менее это должно нас насторожить.

Кроме того, возникает вопрос: развивая экспорт, Россия будет вовлекаться в существующие транснациональные цепочки добавленной стоимости или проводить независимую торговую политику (конечно, с учётом мировой конъюнктуры), в том числе путём создания крупной национальной трейдингово-логистической структуры. Учитывая, что в 2016 году принят национальный проект «Экспорт продукции АПК», который стал частью Госпрограммы по развитию сельского хозяйства, нами избран курс на усиление роли государства. При этом, конечно, должны быть учтены экспортные интересы средних и малых сельхозпроизводителей в виде создания экспортных кооперативов. Такая задача поставлена в упомянутом проекте, но пока таких

кооперативов не создано. Может, правильнее не учреждать их сверху, а помочь уже существующим сельскохозяйственным торговым кооперативам выйти на зарубежные рынки.

— Как вы относитесь к введению «окрашенных налогов»? Например, налоги, полученные от экспортёров минудобрений, сельхозпродукции, целевым образом направлять на финансирование ФЦП развития сельских территорий, на восстановление пашни, закупку техники?

— Конечно, положительно. Благо подобные системы в мире есть, и они работают. Например, в США осуществляется сбор средств в отраслевые сельскохозяйственные фонды развития, науки и информации посредством так называемых «чек-офф-программ». При первой продаже продукции производителем оптовик, переработчик и импортёр продукции платят сборы в фонды развития. Деньги не облагаются налогами и целиком направляются на поддержку рекламы, отраслевой науки и информации через отраслевой совет. Система существует 30 лет.

— Теперь вы уже не чиновник, а учёный. Как оцениваете сделанное?

— Судите сами: аграрная политика обеспечила продовольственную безопасность страны и фактически полное импортозамещение. Индекс производства продукции сельского хозяйства в 2017 году составил по отношению к 1990 году 102%, хотя в животноводстве мы ещё на 28% от уровня 1990 года отстаём, но в растениеводстве на 42% этот уровень превышаем.

Но в аграрной сфере формируется так называемая биполярная экономика, где на одном полюсе сосредоточены высокорентабельные хозяйства, а на другом — хозяйства, работающие на грани окупаемости. А такие системы, как известно, неустойчивы. Численность сельского населения за последние 10 лет сократилась на 2,2 миллиона человек, или 5,5%, в США — всего на 1,8%.

По прогнозу Росстата, численность сельских жителей к 2030 году уменьшится на 2,8 миллиона человек, или на 7,3%. Это приведёт к социальному опустыниванию сельских районов, создавая геополитические риски.

Переловые технологии доступны узкой группе хозяйств. Итого ВСХП 2016 года показывают, что ими пользуются не выше 10% хозяйств. Но они покупают в основном зарубежные технологии. Уровень отечественных агротехнологий невысок: за период 2005–2015 годов импорт сельскохозяйственных технологий составил 300 миллионов долларов США, экспорт всего 5,9 миллиона долларов США.

Несмотря на определённые успехи, необходим переход к аграрной политике, обеспечивающей не только экономический рост, но и определённое качество роста, т.е. рост, отвечающий критериям экономической, социальной и экологической эффективности.

Редакция «АН» благодарит за помощь в подготовке материала аппарат Российской академии наук и лично Сергея Шаракшанэ.

Александр ЧУЙКОВ,
Иван КОЛЕВ